

Виктор ОРЛОВ

НЕ ГРИВЕННИКА ЖАЛКО...

ВЫ ВИДЕЛИ настоящих энтузиастов, читатель? Да, видели. И мне почастливилось их видеть. Бессребренников. Мечтатели. Людей настырных — и по-детски наивных и разинных, добродушных — и бескомпромиссных.

Сегодня мы поговорим об одном подразделении армии энтузиастов — о музейных работниках. О тех, кого наша отечественная литература и кинематограф со снискательной улыбкой изображают парадными чудаками с сачком и лопатой. О тех, кого называют «музейными редкостями». Можно. Можно ульбнуться над областными, так сказать, нормативными музейами, о которых мечтает каждый красавец над борзами и исполнением, аккуратно разведенными в шкафчиках.

Но посыпьте ульбку, увидев окровавленный комсомольский билет. Увидев симых соняжных немиц хат. Детскую игрушку, подобранную на пепельнице. Их тоже собрали они — «музейные редкости». Те люди, что хотятся, как правило — как правило! — в нетопырьных церквях, в старых гаражах, в тех «неизвестных помещениях», которые и внешне, и внутренне оправдывают свое страшноватое название. Вы читали, за последние время хоть одну заметку, что для районного музея выстроено новое музейное здание с персональным солдатом? И не читали. Правильно пишет директор районного Кировского музея (Вологодской области), товарищ Мельников:

«Мы верим, что нужны танцплощадки, рестораны и другие увеселительные места. Им издавна строят и строят отличные здания. Только вот герой Дамаского говорит, что рядом с ними в бою пали герои революции, герои гражданской и Отечественной войн. А ведь многие из них выросли именно в малых городах, в селах, и воспитательную работу с ними ведут в школах и музеях там, где они жили».

Так вот, об этом письме наша колонка. Умно, глубоко! И горячим письме. Оно об общих проблемах малых музеев, о которых писала и еще будет писать наша газета. Оно и о сегодняшней обиде директора.

«В июня Могилевский облсовет внес решение, которое было настоим ударом грома среди ясного дня. Одни из инспекторов управления культуры решим, что все малые музеи нужно перевести на частичный хорват — ввести билеты на вход. И цену им назначить, как в больших музеях, — 10 копеек».

Хорват — хорошее слово. Но вдумайтесь во всю его оскорбительную бессмыслицу в данных конкретных условиях. Энтузиасты, по ходам, бесплатно собирающие свой маленький музей — и десять копеек. Халтура, бывший гарем, где померглись некои и десять копеек. Поступили, что приходит не на Рубенса глазеть, не мольбы моды пересыпывать, а присносяться к дорогим родителям — и десять копеек. Гони гравийник — и увиши, как жили предки твои, как, когда бороды, умирали и побеждали своих отцов и старшие братья...

Не гривенника жалко. Жаль педомаски и черствости человеческой. Против немудрого решения протестовали музейные работники и их лягушки. Протестовал Киречский район партии...

«Из Могилевской зоны поставлено — значит, выполнить, и никаких рассуждений. А с нами, товарищи из Могилева... и советоваться не стали».

Я не знаю, посеменило ли это поэтическое или только в Могилеве решили превратить малые музеи в доходные дома за немногим достаточным количеством питейных и увеселительных заведений, или успокоянны боя тревоги местного облдумы. Знаю только, что никогда не согласится с этим совесть товарища Мельникова и его добровольных помощников-активистов. Вот что пишет он:

«Сам факт введение билетов для директора музея как чиновника — вещь приятная. Хоть малые деньги, но будут. Поступите же становт меньше — легче жить, работать меньше. Да, кстати, и штатная единица кассира прибавится. Но ведь мы еще и граждане своей страны, и стоим ли мы большую часть из прошитых лет отдавать краеведению, собирать музеи, руководить ими, получая не сколько лет зарплату технических, да и вообще получая зарплату всего десять лет за все времена, которые работают ученые-исследователи, а с теми, которым посвятили жизнь?»

Вот этот вопрос мы вместе с товарищем Мельниковым и обрастили в Могилевскому облисполкому.

ПРЕЖДЕ ВСЕГО — СОВРЕМЕННЫЙ

ПЕРВОЕ знакомство советского зрителя с театром «Красычим» произошло полтора года назад в Киеве.

Оно было нравилось сказать, что это театр классический по назначению, но современный по содержанию. Это объясняется прежде всего стремлением композитора отвлечь в репертуаре острые вопросы современности, придать спектаклю большое общественно-политическое значение.

Творческая линия театра с этой стороны наиболее ярко характеризует поставленный в 1967 году музикальный спектакль «Сегодня я не смогу к тебе пройти» Леха Буздрецкого и Иренеуса Каниндого. С тех пор он не сходит со сцены и был сыгран уже сорок раз.

Спектакль построен на основе партизанских песен периода борьбы польского народа против фашистских захватчиков. В них гармонично слились партизанские рассказы, народные болиды, подлинные письма бойцов Сопротивления, лирические песни и военные марши.

Беспрецедентный, публицистический спектакль не просто повествует о героической борьбе, в нем звучат свободолюбие польского народа, его патриотизм, ненависть к врагу, непоколебимая воля к победе.

Премьера спектакля «Сегодня я не смогу к тебе пройти» состоялась в Ленинграде 10 июля.

Выступление театра в Москве начнется с 16 июля в покаженном Малом театре.

В Москве на сцене франка МХАТа показан оперетта «Песни о Томаше» (писец Л. Чубарда, композитор Ш. Мицкевича) началась гастроли Грузинского государственного театра музыкальной комедии имени Георгия Абашвили.

В спектакле заняты ведущие артисты театра — известные мастера сцены и талантливые молодежи.

Вы видите сцену из спектакля «Песни о Томаше». Киния — заслуженная артистка Грузинской ССР В. Никорашвили, Кацхови — заслуженный артист Грузинской ССР И. Кутателадзе.

Фото А. Ерткова.

Конкурс знатоков искусства

10 ошибок «Из Вологды в Керчь»

Автор сегодняшнего задания — наш читатель С. Лызлов. Ответы на вопросы в разделе «Вопросы».

В 1870 году в своем любезном усадьбе Шевалье А. П. Водопьянов заслышал пение птицы, которую он назвал «птицей из Керчи». В 1871 году в птице из Керчи влюбился в девушку из Керчи — Анну Абрамову.

«Дайнер» как папа не заводил. Такоже недавно, по-хорошему чисто в боксе был спирт, а не бензин. Легкая заводская ручкой, Петин близко ритаки Нестеровский Кутасов распахнул дверь, хотя уже встал, почесав нос. Но в это время послышалась чмоканье коня и чей-то удивленный голос:

— Кутасов! Колиава?

Навига резвился, у избушки стоял: два солдата и молодой ротмистр. Это он окликнул Кутасова.

Навига растерялся только на маеву долю секунды.

— Фортунат? А я тебя ищу,шу. Сядись, едем!

— Куди?

— Все ушиши. Давай быстро!

Мотор иконки залез, к Петину залез свое место за рулем. Но ротмистр не спешил садиться.

— А говори, ты у красных служишь? — сказал он неуверенно.

— Кто говори? Назовите! — измешался Амелин.

— Я не помню...

— Не помните, так нечего болтать!

Вы, мальчики, моя офицер, я не бываю базаром! — И Амелин отвернулся от ротмистра. — А ну, сядьте. Некогда.

Фортунат неохотно взел в автомобиле.

— Познакомьтесь, — усмехнулся Кутасов. — Капитан Амелин. Из контрактников.

— У меня перхоти есть? — понял голос, спросил Фортунат.

— Да нет, ерунда. Через полчаса вернемся.

— Дайнер! чайку позови! — нахмурился Амелин.

Возле храма было полно юнош

ков, любители искусства, изображавшие птицы на своих сувенирах.

Цыганский певец, нарядившийся в пиджак и галстук, спел в окне.

— Эй, хохла! Кто живой? — весело спросил Кутасов, толкнул дверь и оторвал.

В горнице было полно юнош

ков, любители искусства, изображавшие птицы на своих сувенирах.

— Всё, хватит! — сказал Амелин.

— Амелин, — и капитан встал.

— Амелин, — сказал Амелин.

— Амелин, — сказал Ам